

- <sup>59</sup> Православные чудеса в XX веке. С. 180.
- <sup>60</sup> Праведник наших дней. Белгородский старец архимандрит Серафим (Тяпочкин) / Сост. прот. Николай Германский. Ракитное, 2003. С. 35.
- <sup>61</sup> Там же.
- <sup>62</sup> *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви. 1917—1990. М., 1999. С. 50; *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 82.
- <sup>63</sup> *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Указ. соч. С. 191.
- <sup>64</sup> Житие и чудеса блаженной старицы Матроны. С. 12.
- <sup>65</sup> Некоторые, ссылаясь на “достоверные” источники, утверждали, что останки великого подвижника были перезахоронены на Богословском кладбище в Ленинграде, другие настаивали на том, что прах где-то в другом месте. Большинство полагало, что мощи святого по-прежнему пребывают в Иоанновском монастыре на Карповке, в нижней церкви св. Илии и Феодоры. Некой монахине во сне было “открыто” самим Батюшкой, “который ласково ее успокоил, уверив, что тело его находится здесь, в монастыре, и никуда не переносилось. А что на разные места ходят люди, добавил он, не смущайся: я везде их вижу и слышу” (*Вениамин (Федченков), митр.* Божьи люди. М., 1997. С. 406).
- <sup>66</sup> Житие и чудеса блаженной старицы Матроны. С. 79.
- <sup>67</sup> *Ильинская А.* Указ. соч. С. 306.
- <sup>68</sup> Там же. С. 297.
- <sup>69</sup> Там же. С. 303.
- <sup>70</sup> Там же. С. 304.
- <sup>71</sup> См.: *Дворкин А.* Царь Иван Грозный и современное сектанство // Иван Васильевич: грозный или святой? М., 2004. С. 51.

### ***Résumé***

The research deals with the distortions of Christian hagiography in some modern Russian “lives of saints” which are identified as kitschy, visionary, and mythical. The typological analysis of the material is done in its reference to the theological and literary traditions in the field as well as to religious popular culture.

Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1

### **И.В. Моклецова**

#### **ИСПОВЕДЬ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ П.А. ВЯЗЕМСКОГО**

В последние годы внимание исследователей вновь привлекает фигура князя Петра Андреевича Вяземского (1792—1878). Неотъемлемой частью художественного наследия князя является исповедальность, которая определяет его поэтическое мышление, позволяет раскрыть религиозные и философско-эстетические воззрения художника<sup>1</sup>.

Большую сложность составляет раскрытие исповедальности Вяземского в вопросах религиозных. Исследователю необходимо обладать той мерой деликатности, которая позволила бы нарисо-

вать убедительную картину духовной жизни поэта. Удачная, на наш взгляд, попытка сделана А.В. Моториным, который уважительно просматривает этапы взлетов и падений духа князя, опираясь преимущественно на его поэтическое наследие<sup>2</sup>.

В.И. Даль дает следующее определение слова *исповедовать*: “признавать, веровать, держаться чего твердым убеждением”. Устойчивые ассоциации, конечно, связывают значение корня этого слова с таинством исповеди. Но далее Даль обобщает: “Исповедание — задушевные убеждения вообще, например, политические”<sup>3</sup>. Обратимся же к тем задушевленным убеждениям, которым князь следовал в своей жизни и творчестве.

Вяземский получил в силу своего происхождения и семейного положения своеобразное воспитание и образование, вращаясь в кругу высокообразованных и художественно одаренных людей, посещавших дом его отца. Среди них можно отметить И.И. Дмитриева, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, которые в прямом смысле слова стояли у его колыбели и наставляли в первые годы творчества. Ему была известна не только русская, но и западно-европейская словесность, не был лишен он и философских знаний (с детства его любимцем был Вольтер). Вяземский вошел в литературу в 10-е гг. XIX в., которые тесно связаны с сентиментально-романтическими исканиями. Творчество понималось им как исповедь талантливой личности, которой есть что сказать миру. Стихотворение “Любить. Молиться. Петь” (1839) раскрывает общий настрой поэта-Вяземского, который не изменился на протяжении его 70-летней творческой биографии: “Любить. Молиться. Петь. Святое назначенье / Души, тоскующей в изгнании своем, / Святого таинства земное выраженье, / Предчувствие и скорбь о чем-то неземном...”<sup>4</sup> До конца своих дней он отвергает прагматичность, утилитарность в понимании поэзии, зло высказывается в отношении подчинения творческого вдохновения политическим задачам. В стихотворении “Александрю Андреевичу Иванову” (1858) он пишет: “В наш век блестящих скороспелок, / Промышленных и всяких сделок, / Как добросовестен твой труд! / В одно создание мысль и чувство, / Всю жизнь сосредоточил ты; / Поклонник чистой красоты, / Ты свято веровал в искусство”<sup>5</sup>.

Усвоенный им в ранний период творчества образ “неудачника” и поэтического “дилетанта” был не только своеобразным выражением эпикурейской философии, но подчеркивал независимость, неофициальность, исповедальность его творчества. Вяземский успешно освоил созданные сентименталистами и романтиками исповедальные жанры в поэзии и в прозе: эпистолярную и пейзажную лирику, записки, воспоминания, письма. Его дружеские послания В.А. Жуковскому, К.Н. Батюшкову, Н.М. Языкову, А.С. Пушкину, И.А. Крылову, Д.В. Давыдову отмечены

необыкновенно высоким доверием и чувством глубокой привязанности. Только перед друзьями-стихотворцами и раскрывает Вяземский свой поэтический и умственный мир. Общая исповедальность возвышенной поэзии Вяземского с необыкновенной силой проявилась после смерти А.С. Пушкина, например, в стихотворениях “Ты светлая звезда” (1837), “На память” (1837), “Я пережил” (1837). Вяземский до конца своих дней считал себя виновным в смерти друга, виновным своим непониманием, нечуткостью, сердечной глухотой.

“Записные книжки” Вяземского по своему содержанию отличаются от его лирики, историко-литературных и критических статей. Поэт затруднялся дать своим записям жанровое определение и называл “фейерверчным букетом”, включающим множество свидетельств о бурлящей вокруг него жизни<sup>6</sup>. Их жанровая специфика позволила автору широко охватить интересующие его жизненные явления, сохранить для потомства “физиономию времени”<sup>7</sup>. Но как в них высказался сам Вяземский? В выборе тем и постановке проблем, симпатиях и антипатиях. Благодаря записным книжкам он предстает перед нами историком культуры, ищущим в истории “полноты ощущения минувших культурных эпох... <...> Его мемуарные заметки чужды всякой монументальности; их задача — осветить отдельные участки уходящих и давно минувших времен в их целостности и обаянии”<sup>8</sup>.

С начала 40-х гг. Вяземский осознает себя представителем творческого поколения, ушедшего из жизни. Он постоянно возвращается к прошлому и непримиримо настроен против настоящего, считая, что оно отчуждено от всей предшествующей литературной традиции. Некоторые сочинители, например В.Г. Белинский, вызывают у поэта лишь резкие сатирические стихи и заметки. О соратниках по перу он вспоминает неоднократно, рисуя картины пушкинской эпохи: “Смерть жатву жизни косит, косит...” (1840), “Литературная исповедь” (1854), “В воспоминаниях ищу я вдохновенья” (1877) и др. Из современников он принимает Н.В. Гоголя, хотя не со всем согласен в творчестве писателя. Когда в 1847 г. появляются “Выбранные места из переписки с друзьями...”, автора обвиняют во всех смертных грехах, но прежде всего во лжи, ханжестве. Вяземский в статье “Языков — Гоголь” (1 января 1847 г. он узнает о смерти Языкова и читает духовное завещание Гоголя) защищает Гоголя от несправедливых критиков: “Он изливает перед вами сокровеннейшие тайны свои <...>. А вы строго и самопроизвольно судите, разбираете, так ли он плачет, как следует, не притворяется ли он, не малодушничает ли? <...> Вы с жестокой радостью нападаете на него, когда вам кажется, что он <...> противоречит себе, как будто скорбь может всегда рассчитывать слова свои. <...> Мы чувствуем и толкуем о незави-

симости, о свободе понятий, а в нас нет даже и терпимости”<sup>9</sup>. За эту статью на Вяземского ополчилась демократическая критика, один лишь П.Я. Чаадаев искренне благодарил его<sup>10</sup>. Так Вяземский стал невольным исповедником, защитником исповеди.

Множество стихов написано поэтом о родине, русском народе, русском языке. Сталкиваясь с культурой западноевропейских народов во время своих многочисленных путешествий, он оценивает их сквозь призму русского национального характера, исповедуя себя как его носителя. “Я — маленькая Россия”, — говорил он о себе. Межкультурные сравнения встречаются у поэта довольно часто (“Рябина”, “Масленица на чужой стороне” (1853), “Вевейская рябина” (1864)). Поэтические картины русской природы, описания русских дорог исполнены у Вяземского какой-то особой задушевности, идущей от сердца: “Еще тройка” (1834), “Степь” (1849), “Рябина” (1854) и др. Поэт много лет собирал “поговорки, пословицы, туземные черты, анекдоты, изречения <...> исключительно русские, не поддельные, не заимствованные <...>, а родовые, почвенные и невозможные ни на какой другой почве, кроме нашей”<sup>11</sup>. Его сокровенным желанием было создать “Россияду” — своеобразный путеводитель по русской душе.

Особой любовью пользуется в творчестве и жизни Вяземского Москва и его подмосковное Остафьево. Вот достойный оппонент современным исследователям “Горя от ума” Грибоедова, которого он называет *мудрствующим лукаво*. Вяземский любил сатиру, обладал талантом сатирика-полемиста, но карикатуры на умственную и художественную жизнь Москвы, особенно допожарной, не приемлет. Хотя записные книжки, дневники и воспоминания Вяземского рассчитаны на публикацию, этого не замечаешь. Они безыскусны, созданы без оглядки на успех у читателя. Доверительный тон, любовное восхищение минувшим создают особую атмосферу доброжелательности и добродушного подсмеивания над действующими лицами.

В душе Вяземского таилась глубокая привязанность к родине, но “квасной патриотизм” (его выражение) он не признавал. Вяземскому было чуждо чувство превосходства русских над другими народами, в его сердце хватало места и полякам и французам, но, порицая многие недостатки российской действительности, он был далек от хулы на отечество. Когда маркиз де Кюстин, посетивший по приглашению Николая I Россию, опубликовал свой бойкий и неумный отчет о путешествии по стране, Вяземский сразу же написал опровержение на клевету: “Мы знаем, что нам необходимо еще много трудиться над самими собой и многое приобрести с тем, чтобы достичь того положения, к которому влекут нас наши условия и наши обеты. Мы не ставим наше собственное движение впереди всей цивилизации: мы не претендуем

быть наставниками и учителями других народов. Но мы также обладаем своим местом под солнцем, и не маркизу де Кюстину лишать его нас”<sup>12</sup>.

Вяземский по-своему оценивал деятельность славянофилов, отдавая дань их патриотизму, но недоумевая, откуда этот глупый “страх” перед Европой. Усвоение инокультурного опыта не кажется ему угрожающим: “Боже упаси раболепствовать нам пред Западом, жить одною жизнью его и действовать беспрекословно и необдуманно по одному его лозунгу. Но подавать ему руку, брать из руки его то, что нам подобает и пригодиться может, то дело благоразумия...”<sup>13</sup> Поэт не разделял мечты славянофилов относительно благотворности объединения славян, невысоко оценивал отношение славянских народов к русскому, опасался, что освобожденные Россией славяне не станут ее союзниками.

Будучи ярко выраженным индивидуалистом и оппозиционно настроенным человеком, Вяземский никогда не принимал революционного движения. Во времена своей юности он не стал членом тайного общества, заговоры претили его представлениям о чести: действовать тайно, притворно, двулично он не мог. Не собирался он расставаться и со своей свободой, не желал подчиняться тайной воле вожаков. До 1848 г. в лирике поэта практически нет образа Святой Руси, его заменяет образ Руси-матушки, земли, доставшейся от предков. Но императорский манифест от 14 марта 1848 г., содержащий объявление войны революционной Европе, вызвал у поэта поэтический отклик под названием “Святая Русь”. Стихотворение написано вполне в духе верности Богу, Царю и Отечеству: “Как в эти дни години гневной / Ты мне мила, Святая Русь! / Молитвой теплой, задушевной / Как за тебя в те дни молось! / Как дорожу моей любовью, / И тем, что я твой сын родной! / Как сознаю душой и кровью, / Что кровь твоя и дух я твой!”

Когда говорим об исповедальности творчества Вяземского, закономерно возникает вопрос о его религиозности. Отношение к религии было у поэта сложным, неоднозначным. Современные исследователи биографии поэта утверждают: Вяземский никогда не был атеистом. В 1810-е гг. он делает рискованные заявления о том, что никакая книга так не портит человека, как Библия (Батюшкову). Но в 1821 г. им написаны “Молитвенные думы”, схожие с мотивами религиозной лирики 40-х гг. В 50-е гг. Вяземский приоткрывает завесу над тайной: какая же земля называется им святой? В феврале 1849 г. умирает его дочь Мария. Вяземский с женой (для них это седьмые похороны — 3 дочерей и 4 сыновей) уезжают к своему последнему сыну Павлу, который служит в дипломатической миссии в Константинополе. Через год они отправляются в паломничество на Святую землю. В стихотворениях “Палестина” (1850), “Иерусалим” (1850), “Одно сокровище”

(1853), “Александрю Андреевичу Иванову” (1858), “Памяти Авраама Сергеевича Норова” (1869) возникает образ Святой земли. В стихотворении “Одно сокровище” поэт признается, что дни посещения Иерусалима — самые дорогие в его жизни: “Одно сокровище, одну святыню / С благоговением я берегу, / За этим кладом я ходил в пустыню / И кочевал на дальнем берегу... / И помню я, паломник недостойный / Святых чудес заветные места: / Тот свод небес, безоблачный и знойный, / Тот вечный град бессмертного креста”<sup>14</sup>. Это редкий период в его жизни, полный скорби и умиротворенного покоя. Смерть близких утолялась молитвой, надеждой на бессмертие.

В 1863 г. в Венеции он часто встречается с Марией Лансдорф, которая почти в три раза была моложе его. “Вы на небе моем, покрытом ночью темной / Зажгли приветную и светлую звезду: / И странник по пескам, усталый и бездомный, / Любуясь на нее, доверчиво иду”<sup>15</sup>. Они осознают взаимную любовь, но в 1866 г. Мария внезапно умирает. Это сломило “бодрую старость” Вяземского. Начался период отчаяния, разочарования в разумности и благодатности устроенного мира. “Злобная ирония” овладевает поэтом, он бросает упреки Богу, которые в середине 1870-х гг. сменяются упреками к самому себе: “Чувств одичалых и суровых / Гнездилище душа моя: / Я ненавижу всех здоровых, / Счастливых ненавижу я...”<sup>16</sup>

Последние годы жизни Вяземского были омрачены тяжелой болезнью, с особой силой проявились противоречия его натуры. И все же в его стихотворения порой возвращается “отрадная грусть”: “Жизнь наша в старости — изношенный халат: / И совестно носить его, и жаль оставить; / Мы с ним давно сжились, давно, как с братом брат; / Нельзя нас починить и заново исправить...” — и далее: “Еще люблю подчас жизнь старую свою / С ее ущербами и грустным поворотом”<sup>17</sup>. 10 ноября 1878 г. его не стало.

Смерть Вяземского почти никого не взволновала, в последний путь его провожали только близкие — родственники, несколько профессоров. Не было никаких манифестаций, шествий, студентов. Немногочисленные некрологи были написаны крайне равнодушно. А ведь “в течение семи десятилетий поэт вел тяжкую, почти невыносимую и странным образом почти незаметную для современников борьбу за духовное достоинство и само духовное бытие как свое личное, так и общенародное. Он жил, страдал, заблуждался и побеждал вместе с Россией”<sup>18</sup>. Творчество поэта еще ждет своих исследователей.

### **Примечания**

<sup>1</sup> См.: *Бондаренко В.В.* Князь Вяземский: Жизнеописание. Минск, 2000; *Он же.* Вяземский. М., 2004.

- <sup>2</sup> См.: *Моторин А.В.* Художественное вероисповедание князя П.А. Вяземского // Христианство и русская литература. Вып. 4. СПб., 2002. С. 209—249.
- <sup>3</sup> *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1998. С. 54.
- <sup>4</sup> *Вяземский П.А.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1982. С. 228.
- <sup>5</sup> Святая Земля в русской поэзии. М., 2001. С. 191.
- <sup>6</sup> См.: *Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 1992. С. 348.
- <sup>7</sup> *Егоров О.Г.* Дневники русских писателей XIX века: Исследование. М., 2002. С. 25—36.
- <sup>8</sup> *Ивинский Д.П.* Князь П.А. Вяземский и А.С. Пушкин: Очерк истории личных и творческих отношений. М., 1994.
- <sup>9</sup> *Вяземский П.А.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 193.
- <sup>10</sup> См.: *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2. М., 1991. С. 202—203.
- <sup>11</sup> *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878—1896. Т. VIII. С. 341.
- <sup>12</sup> Памятники культуры. Л., 1980. С. 37.
- <sup>13</sup> Цит. по: *Бондаренко В.В.* Князь Вяземский: Жизнеописание. С. 462.
- <sup>14</sup> Святая Земля в русской поэзии. С. 183, 185—188.
- <sup>15</sup> *Вяземский П.А.* Избранные стихотворения. М.; Л., 1935. С. 346.
- <sup>16</sup> *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 411.
- <sup>17</sup> *Вяземский П.А.* Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 370.
- <sup>18</sup> *Моторин А.В.* Художественное вероисповедание князя П.А. Вяземского. С. 209.

### **Résumé**

The paper is devoted to the religious and literary tradition of confession in the life and poetry of Prince Peter A. Viazemsky.

Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1

### **В.А. Асатиани**

#### **РЕКРЕАЦИЯ МИФА КАК ФАКТОР УПАДКА ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ (Постановка проблемы)**

Проблема кризиса искусства приобрела большую актуальность в XX в. Представители разных направлений философии по-разному понимали это явление, но в основном объективно связывали его с кризисом общественного строя, культуры, гуманистического мировоззрения и т.д. Судьба искусства вызывала пессимизм, возник даже тезис о “смерти искусства”<sup>1</sup>. Наиболее четко сформулировал мысль о глубоком кризисе искусства Н.А. Бердяев, когда отмечал: “Много кризисов искусство пережило за свою историю. Переходы от античности к средневековью и от средневековья к возрождению ознаменовались такими глубокими кризисами. Но то, что происходит с искусством в нашу эпоху, не может быть названо одним из кризисов в ряду других. Мы присутствуем при кризисе искусства вообще, при глубочайших по-